

Olga Grishina
Broekstraat 121
3001 Heverlee
België

Judith Fanto

VIKTOR

ISBN/EAN: 9789026350764

Blz. 89 t/m 96

Blz. 103 t/m 110

blz. 89 t/m 96 (1534 w.)

Ловко выскользнув из пальто и запустив шляпой в направлении вешалки, Виктор обшарил глазами столики в кафе «Риттер».

Она сидела в одиночестве, задумчиво глядя перед собой. Сейчас она была красивее, чем в его памяти.

Приблизившись, Виктор взял ее руку и прильнул долгим поцелуем.

— Ты опоздал, — сказала она дрогнувшим голосом, — на целый час опоздал.

— Опоздал? Но, милая Синтия...

— Селия!

— Милая Селия, ты же знаешь, что никакого времени не существует, и уж тем более течения времени? Это не время проходит, это люди проходят... Ты и я, мы лишь зыбкие суденышки в безбрежном океане времени...

Лаская ее щеку большим пальцем одной руки, другой рукой он подозвал обера.

— Важно то... — Виктор прервался, чтобы вместе с другими посетителями хлопать молодому пианисту, только что исполнившему *Liebesträume*¹ и учтиво принимавшему аплодисменты. — Важно то, что сейчас я здесь; а всего несколько часов

¹ Грезы любви (*нем.*) — три сольных фортепианных пьесы Ф. Листа.

назад мне это казалось неосуществимым, учитывая спасательную операцию, поневоле предпринятую мною сегодня днем. Двойной мокко и сладкое что-нибудь, — сказал он официанту.

— О чем ты? Что за спасательная операция?

— Ах, дорогая, ты не представляешь... Покончив с делами на Кристо², я еще до полудня вернулся в город за светло-серым шерстяным костюмом от Книже. И только я поставил автомобиль на Грабен, как вижу: высоко вверху на тросах автокрана с чудовищной силой раскачивается великолепный рояль. Несчастный инструмент тщетно пытался попасть на третий этаж в простертые руки переезжающих, которые ввиду его прибытия даже выставили рамы из пазов.

Официант принес заказ. Виктор обмакнул в кофе печенье и целиком запихнул в рот.

— Фортепиано, страдающее боязнью высоты.

— Именно, дорогая Селия. Поверь, я до нынешнего дня тоже не знал, что такое бывает. Так вот, внезапно я слышу треск, молниеносно перевожу взгляд вниз и вижу: идет пожилая дама в темно-синем костюме. И я, ни секунды не раздумывая, со всех ног бросаюсь к этой даме, сгребаю ее в охапку, и через пару метров мы падаем на землю. Никогда не забуду отвратительного аккорда, с которым рояль вдребезги разлетелся прямо у нас за спиной...

— О, — сказала Селия, — страдающее боязнью высоты пианино-самоубийца.

— Да, хочешь — верь, хочешь — не верь, но и такое бывает. А вот теперь самое интересное. Как только я помог подняться пожилой даме, — она чудесным образом осталась цела и невредима, — и как только некий услужливый зритель подал ей шляпку, ко мне вдруг подбежал какой-то человек. И лишь после того как он, заключив меня в объятия, выразил свою безграничную признательность, я понял, кто это.

— Давай угадаю: премьер-министр.

— Почти. Это был Феликс Вайнгартнер!

Селия поглядела с изумлением.

— Директор Народной Оперы?

— И вот, — продолжал Виктор, набив рот вторым обмокнутым в кофе ванильным рожком, — когда после всего случившегося Вайнгартнер и его пожилая

² Ипподром.

мать пригласили меня отобедать с ними у Захера³, я пребывал в сомнениях. Разумеется, меня снедало страстное желание увидеть тебя, но в конце концов чувство ответственности возобладало над личными интересами. Я не сомневался, что ты устыдишься за меня, если я, сделав иной выбор, явлюсь к тебе вовремя.

— Ну да, конечно, — отозвалась Селия. Некоторое время они молча слушали «Фантазию-экспромт», заполнявшую пустоту между ними.

— О господи, ну и кофе тут у них. Но то, как этот мальчик играет Шопена, искупает всё, — наконец произнес Виктор. Он взял ее руки, лежавшие на холодной мраморной столешнице. Восхитительные, проворные пальцы. Наклонившись, он поцеловал мозолистые кончики пальцев ее левой руки.

— Скрипка, верно?

— Виолончель! Я же говорила тебе на прошлой неделе.

То, как эти пальцы владели его смычком, было в любом случае незабываемо.

— Обещай, что поиграешь для меня.

Она улыбнулась.

— Только после того, как ты мне тоже что-нибудь расскажешь о себе. Я не имею ни малейшего представления, чем ты занимаешься. Учишься?

— Ах, наука! Нет, ученые в наши дни знают столь много о столь малом. Я, скорее, считаю себя профессором наизнанку: об очень многом я знаю несколько меньше.

Она захохотала, слегка запрокинув голову. Стройная шея. Холмики под застегнутой доверху блузкой волновались при дыхании. Воспоминание об идеальной мягкости ее груди внезапно подстегнули в нем желание. Жаль, что это уже третья встреча, и теперь придется расстаться. У любовной игры существуют неумолимые правила, и на сей раз тоже исключения не будет. Собственных правил он не нарушал никогда. Кому можно доверять, если самому себе не доверяешь?

— Виктор?

Он вздрогнул.

— Ты совсем не слушаешь.

— Разумеется, я слушаю, милая, — успокоил он, — но мысли мои постоянно устремляются к моему дорогому дедушке. Утром в рамках экспериментальной операции в Центральной городской больнице ему удалили кости из языка, и я места

³ Знаменитый венский кондитер.

себе не нахожу. Мне нужно справиться по телефону о его самочувствии. Прошу прощения.

Виктор встал и, подойдя к человеку за стойкой, сунул ему в руку деньги. В холле он неторопливо изучил результаты лотереи в дневном выпуске газеты, с сожалением удостоверился, что проиграл, выкурил сигару и вновь вошел в зал через стеклянную дверь.

— Ну как? Надеюсь, новости хорошие? — озабоченно спросила девушка.

Пианист облачился в черный фрак и опустил крышку рояля.

— На первый взгляд, результаты неутешительны, — ответил Виктор. — По-видимому, он в такой горячке, что доктора не отходят от его постели. Мне очень жаль, но доктор Херцкратцерль говорит, что я должен немедленно приехать в Шпитальгассе, если хочу застать дедушку живым.

На ее лице отразилось разочарование.

— Но есть и хорошая новость... — торопливо добавил Виктор, опустившись перед ней на колени и вынув что-то из внутреннего кармана пиджака, — и хорошая новость заключается в том, что Вайнгартнер не хотел отпускать меня без награды.

Она ошеломленно глядела на билеты в его руке.

— Сегодня вечером? О, и... где же мы встретимся?

— В семь, у фонтана! — сказал Виктор. Поднявшись, он взял в ладони ее лицо, поцеловал в губы, забрал шляпу и пальто и удалился.

Селия подбежала к двери кафе и распахнула ее.

— Возле Народной оперы нет никакого фонтана! — крикнула она ему вдогонку, но Виктор уже не слышал. Высоко подняв воротник, сквозь хлещущий дождь он направлялся к своему автомобилю.

Завернув за угол Амерлингштрассе, он вдруг наткнулся на что-то мягкое и в ужасе отпрянул. У его ног лежал дрожащий меховой клубок. Торопливо сняв шерстяное пальто, Виктор расстелил его на мокром тротуаре. Подняв насквозь промокшего зверька, осторожно завернул его в пальто и, крепко прижав к себе сверток, бросился к автомобилю.

— Потерпи немного, малыш, — бормотал Виктор, укладывая пальто с его содержимым на переднее сиденье рядом с собой, — еще одна остановка, и пойдём к доктору.

Он завел мотор и выехал на Гольдшлагштрассе, где на обочине стоял мокрый до нитки Буби.

— Ты где болтаешься, я тут уже полчаса жду стою, я...

— Осторожно! — крикнул Виктор. — На пальто не садись!

— Ах простите-извините, мосье Пижон, не смею осквернять своим присутствием ваше кашемировое пальто, — разозлился Буби.

— Да нет же, дубина, там собака или что-то вроде того, возьми ее на руки.

— Добрый вечер, дражайшее семейство.

— Ты опоздал, — заметила Марта.

— Но, милая *Мамашели*, славный ужин всегда нам нужен! К тому же я ни за что не упущу отведать *риз-бизи* нашей прекрасной Гретль, — возразил Виктор, подмигнув служанке.

— Я тоже опоздал, — сказал Буби, — приношу свои глубочайшие извинения.

— Спасибо, Буби, — отозвался Антон, — но это лишь неизбежное следствие первопричины.

— С нами уроженец Вены, попавший в сложные обстоятельства, — сказал Виктор. Отодвинув ногой стул, он положил пальто и осторожно развернул его.

— Блохи! — Взизгнула Хеди, и лежавший рядом с нею шпич заворчал. — Отто, — крикнула она сыну, — не вздумай к нему прикасаться!

— Дядя Эрнст, ты не мог бы осмотреть нашего *Винера*⁴?

Эрнст встал и подошел к стулу, где лежал маленький соотечественник.

— Это собака... — Эрнст приоткрыл крошечную пасть, — нескольких недель от роду... — он пощупал ребра, — в начальной стадии истощения... — и, положив руку на впалый живот, — с явными признаками гипотермии. Рекомендую контакт кожа к коже. — Его взгляд встретился со взглядом Марты. — Но вполне достаточно будет насухо вытереть и положить у печки.

— Гретль, — попросила Саша, — позаботьтесь, пожалуйста, об этой... э-э... — Она неопределенно махнула рукой.

— Псине, — сказал Виктор.

— Вот именно, — сказала Саша.

⁴ Игра слов: житель Вены, венская сосиска и собака породы такса.

Blz. 103 t/m 110 (1710 w.)

В пятницу вечером я позвонила в дверь бабушки и дедушки. Мне открыл отец, и я сразу почувствовала неладное.

— Привет, пап, — поздоровалась я, пытливо рассматривая его.

Страдальческий взгляд; неслабая доза еле сдерживаемого раздражения; налет разочарования, — отметила я про себя и тут же составила в уме список возможных катаклизмов: родители повздорили на глазах у всей семьи; маму внезапно накрыл приступ Этого; или — я даже испугалась — бабушкин обед, наконец, и впрямь не удался, подгорел и всякое такое, и действительно несъедобен.

— Да, да, — вздохнул папа, с отсутствующим видом чмокнув меня.

— Что-то случилось?

— Да ничего. Нет, все нормально. Все совершенно замечательно. — Он поперхнулся и откашлялся в носовой платок. — Твоя сестра привела нового друга.

— Друга, пап, не друга, — поправила его Хармке, входя в прихожую в сопровождении парня в линялой рубашке и вытертых джинсах. Его лицо, на котором едва различались водянистые глазки, обрамляли свисавшие на плечи жирные лохмы.

— Привет, Гер, — сказала Хармке, — это Гейс.

— Понятно, — ответила я, отвечая на бескостное рукопожатие. Я не только поняла, я даже мысленно услышала оглушительный грохот, с которым вселенная этого субчика врежется в наш *codex familiae*.

Я переводила взгляд с Хармке на Гейса и снова на занятую якобы беспечной болтовней Хармке, которая, казалось, не замечала предзнаменований грядущего шоу. Но я отлично знала свою сестру. Нечто в ее взгляде выдавало по меньшей мере настороженность: чрезмерно громкий смех, подначки и подколы в каждой фразе, беспокойные резкие движения: учительница, в любую минуту готовая броситься разнимать дерущихся детей.

Я быстро прикинула, на чьей стороне окажутся мои симпатии. Из принципа, или, скорее, из восхищения и любопытства, я заранее была за того, кто осмелится пошатнуть крепко вколотенные вехи моей семьи. С другой стороны, я была заодно с семейным кланом: не столько из гордыни, сколько из-за привычного страха за чересчур

сильные переживания моих близких, и в этом случае я до последнего вздоха стала бы защищать их нравственные ценности.

Пока что я решила не торопиться и занять выжидательную позицию, как зритель перед началом многообещающей премьеры.

И, надо сказать, Гейс меня не разочаровал.

Они с Хармке уселись за стол, где папа с дядюшкой Бруно как раз обсуждали отчет Научного совета по вопросам государственной политики. Чтобы не сидеть без дела, я стала помогать маме накрывать на стол.

— А ты, Гейс, — дядя Бруно вежливо попытался вовлечь в беседу молодого человека, — ты тоже наукой занимаешься?

Затаив дыхание, я протаскивала ветхие салфетки с монограммой через массивные посеребренные кольца.

— Неа, — ответил Гейс голосом, похожим на одуревший от скуки гобой. — Я этими научными истинами не заморачиваюсь.

Глаза Хармке нервно забегали.

— Конечно, имеешь право, — решительно сказала я и, вскинув брови, кивнула честной компании.

Хармке посмотрела на меня с благодарностью.

— Действительно, — согласился дядюшка Бруно и, чтобы сгладить неловкость, продолжил:

— А чем же ты занимаешься, Гейс? Учишься? Или уже работаешь?

— Неа, — сказал Гейс. — Я работой не заморачиваюсь. Слыхал, что это для здоровья не опасно, но предпочитаю не рисковать.

Из его глотки донеслись странные звуки, по всей видимости означавшие смех.

Папа в отчаянии поскреб лысину.

— Гейс в этой мышиной возне не участвует, — сказала Хармке, — он живет на пособие, скажи, Гейс?

Дядюшка бросил на папу взгляд, исполненный сострадания. До меня вдруг дошло, что родителям уже пришлось претерпеть первое действие этой пьесы в течение совместной поездки в поезде до Неймегена, и не сдержалась:

— Так чем же ты все-таки занимаешься, Гейс? Наверняка у тебя есть какие-то скрытые таланты. — Я позволила себе подмигнуть ему.

— Да, я страдаю психическим расстройством; творческое начало это называется. — И снова задышающиеся горловые звуки, переходящие в похрапывающее хрюканье.

— Гейс художник, — возвестила Хармке.

Окончательно уничтоженный, отец уронил голову на руки.

В этот момент в комнату вошел дедушка, протянул руку Гейсу и, кивнув на его кеды, поинтересовался:

— Ага! Каким спортом увлекаетесь?

— А, нет, это просто обувь, я кожу не ношу.

— Ах вот как, — сказал дедушка с вежливым полупоклоном.

Было слышно, как в кухне мама ласково возражает бабушке. Дверь в комнату распахнулась, и бабушка внесла кастрюлю с супом, обернув полотенцем горячие ручки.

— Таки совсем не получился, — предупредила бабушка. — Путцеле, разлей, пожалуйста. Я что-то сегодня разленилась.

Вид у бабушки был усталый. Часы, проведенные у плиты, раскрасили ее щеки огненно-красным, из прически, обычно тщательно уложенной, на висок выбилась прядь. Целый день томился на плите бульон из цельной курицы, сдобренный морковью, пореем, сельдереем, красным перчиком и стружками лимонной кожуры. Между тем бабушка снимала пену, а затем процедила бульон через марлю, после чего замесила тесто для клецок.

Мама разлила в глубокие тарелки исходящий паром суп.

— А Гейсу что же не дали? — с негодованием спросила бабушка. Доверительно положив руку ему на плечо, она с гордостью, и в то же время словно оправдываясь, сказала: — Это рецепт моей матери.

— Мама, думаю, что Гейс не ест куриного супа.

Бабушка изумленно перевела взгляд с мамы на Гейса.

— Болеешь?

— Не, я веган, — прогундосил Гейс.

За выражение бабушкиного лица любой художник душу дьяволу бы продал. Потрясение сменилось всепрощением, словно Гейс признался, что он раскаявшийся преступник, и бабушка пришла к заключению, что каждый человек заслуживает в жизни второй шанс.

— Мы, знаешь ли, тоже мяса не едим, — сказал Гейсу дедушка, — во всяком случае свинины. Да она, вообще говоря, не такая уж и вкусная, в смысле... — в его голосе послышалось нечто вроде сожаления, — вообще говоря, она вкусная. По крайней мере если ее хорошо приготовить.

— Я не вегетарианец, а веган. Я против любого использования человеком животных.

— Ах вот как, — сказал дедушка.

Когда мы приступили к основному блюду, мама боязливо отодвинула от Гейса говяжий язык и навалила ему целую гору вареного картофеля с петрушкой, а бабушка протянула миску с запеченными сладкими перцами и баклажанами.

— Смилуйтесь, — умоляюще произнесла она. Это выражение бабушка подцепила во фламандском монастыре, где скрывалась во время войны, и с тех пор использовала в качестве призыва отведать ее стряпню.

— Не, правда не буду, — сказал Гейс, отвергая предложенное.

— Разве овощи не растительная пицца? — ужаснулась мама.

— Растительная, но я ем исключительно голландские овощи. Только почва родины через минералы, отдаваемые растениям, идеально отвечает потребностям тела.

— Как прекрасно, что ты всегда имел возможность жить на родине, — сказал дядюшка.

Во внезапно наступившей тишине стал слышен закулисный оркестр домашних животных. Во мне бурлило непокорное, нахальное веселье.

— Слышь, Гейс, а у тебя дома зверюшки есть?

— Неа, я зверюшками не заморачиваюсь. Печально, когда человек лишает животных свободы ради удовлетворения собственной потребности в обществе. Эксплуатация чистой воды.

Я расхохоталась.

— Пардон, — пробормотал папа, натолкнувшийся под столом на ходули Гейса.

Бабушка сидела с убитым видом. Она не выносила людей, отказывающихся от еды, особенно если эта еда была приготовлена ею самой. Внезапно ее лицо просветлело.

— А на сладкое я испекла медовый пряник! Вот он-то тебе точно придется по вкусу.

Гейс покачал головой.

— Не, я ем только пищу, не содержащую продуктов пчеловодства.

— Что-что?

— Тот, кто ест мед, обкрадывает пчел. Эксплуатация чистой воды.

Бабушка горестно оглядела уставленный блюдами стол. Для нас пища означала не только еду. Это было нечто большее: воплощение индивидуальности, часть

семейной истории, которую каждый вечер с некоторой гордостью олицетворяла бабушка. В эти блюда вкладывались остатки еврейского самосознания, безмолвно и упорно лелеемого Розенбаумами. И тот, кто отвергал бабушкину стряпню, отвергал тем самым ее Самое. Ее сокровеннейшую самобытность, ее последнюю гордость.

Мой жизнерадостный настрой сменился негодованием. Да, бабушка, конечно, человек своеобразный, и ее склонность к театрализованным представлениям на идиш даже сильнее любви к кухне и музыке, — но она моя бабушка, моя обожаемая бабулечка, и ее знания и эрудиция во много раз превышали знания и эрудицию этой блеклой польдерной кочерыжки.

— Вы слышали о Густаве Малере? — спросил дедушка.

Гейс не имел ни малейшего представления.

— Мы собираемся прослушать его Четвертую симфонию. Великолепная вещь. Не желаете ли...

— Знаешь, дедушка, мы с Гейсом хотели немного пройтись, скажи, Гейс?

Но Гейс уперся рогом: кочерыжка желает слушать Малера.

Я задумчиво разглядывала его. Этот парень головой кирпич поймал, или намеренно прет на рожон? Вообще-то ничего страшного произойти не должно. Четвертая — не самая длинная симфония, и не самая сложная.

Если не считать того, что Гейс при звуках бубенцов в первой части завопил: «Джингл беллз!», прослушивание прошло без приключений, пока не началась последняя часть, воспевающая радости райской жизни; немецкий текст лежал у меня на коленях. Поймав панический взгляд Хармке, я вдруг осознала всю щекотливость ситуации. В девятнадцатом веке в представления о человеческом рае не входил вопрос о благосостоянии животных; на небесном пиру жареные зайцы сами прыгали на тарелку, а невинных овечек с песнями вели на заклание.

К счастью, немецкий Гейса был из рук вон плох. Он совершенно не просек, что рог передает тревожное мычание убиваемого быка. А в тот момент, когда сопрано воспевало восхитительную рыбу на сковородке, он даже явственно зевнул.

— Ну, как вам понравилась пьеса? — поинтересовался дедушка по окончании прослушивания.

— Вообще-то я операми не заморачиваюсь, — отозвался Гейс. — Я предпочитаю слушать музыку родины.

— Я тоже, — ответил дедушка.

